

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНЕСЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

© 2017 г. Александр Геннадьевич Чернявский¹

В статье на основе исторического метода рассматривается вопрос о том, что первоначальное развитие правовых норм начинается с охраны такого интереса, который одинаково наглядно понятен любому члену общества, независимо от его финансового положения, а именно: интереса экономического, интереса собственности. С этих позиций автором утверждается: на право необходимо смотреть как на результат взаимодействия человеческих интересов.

In article on the basis of a historical method the question that, initial development of precepts of law begins with protection of such interest which is equally visually clear to any member of society, irrespective of its financial position, namely interest economic, interest of property is considered. From these line items the author affirms that it is necessary to look at the right as on result of mutual friction of human interests.

Ключевые слова: равенство в правах, индивидуум, самоограничение, правовые идеалы, юридическое содержание, взаимное запрещение, правовая культура, правосознание, правовая политика.

Key words: equality in the rights, individual, self-restriction, legal ideals, legal content, mutual prohibition, legal culture, sense of justice, policy of law.

Об индивидууме и его правах, о государстве и его роли, а также о целях социальной и политической жизни некоторые великие умы XVIII в. составили себе такое понятие, которое в любое время можно назвать новым, хотя большая часть его составных элементов очень стара. Это — понятие индивидуалистическое.

Взаимство и равенство в правах как движущей силы самоограничения — эта простейшая идея является в сущности протоплазмой всего феномена права, которое и развивается прежде всего в отношениях между теми, кто находится фактически в одинаковых условиях. Даже и в теперешнем сложнейшем лабиринте правовых отношений все же, несомненно, право далеко не одинаковой силой охватывает во всех направлениях тех, кто фактически находится в неодинаковых условиях.

С точки зрения правовых идеалов «политики права» это, конечно, — явление отрицательное, но с точки зрения идеи эволюции права и его сущности оно вполне логично и неизбежно, если смотреть на право так, как оно есть в действительности, т.е. как на результат взаимодействия трения человеческих интересов.

Чем более тот или иной интерес становится наглядно доступным пониманию каждого, потому что он есть у каждого, тем больше оснований для возведения его в степень правового. Этим объясняется то явление, что первоначальное развитие правовых норм берет свое начало с охраны такого интереса, который одинаково наглядно понятен и могущественному вождю, и самому отдаленному от правовой культуры члену

общества, а именно: интереса экономического, интереса собственности. Чувство собственника — это чувство, одинаково знакомое каждому: и обладателю дворцов, и жителю хижины, и уважение к нему несомненно является одним из главнейших двигателей эволюции правосознания, даже вплоть до таких высших его публично-правовых форм, как сама идея народного представительства, развившаяся прежде всего в Англии на почве идеи необходимости соглашения с подданными в вопросах ограничения их собственности для нужд короля и государства и отдающая и поныне дань этому своему происхождению тем особым положением, каковое в деятельности народного представительства принадлежит бюджету².

Один из наиболее выдающихся русских философов В. С. Соловьев (который, конечно, имел бы мировое имя, если бы он был немцем или вообще иностранцем, да и в глазах своих соотечественников) высказал, хотя и не в юридической форме, мысль, полную глубочайшего юридического содержания: «Право есть свобода, обусловленная равенством»³. У В. С. Соловьева это — не только воспроизведение Кантовой формулы права в его строго формальном значении уравнения всех в необходимости действовать так, чтобы свобода каждого совмещалась со свободой всех. Содержание Соловьевой формулы прежде всего материальное, т.е. равенство есть предположение той свободы, которая представляет собой право.

Разумеется, под термином «равенство» с рассматриваемой здесь точки зрения не следует понимать равенство всей суммы благ, какими может обладать человек. Но по мере того, как в силу исторических и социальных условий то или иное отдельное благо становится одинаково для всех равным, одинаково для всех ценным и нуждающимся поэтому в безопасности, у каждого появляется мысль обеспечить эту безопасность взаимным запрещением этого нарушения, которое и есть не что иное, как право. Поэтому вся система правовой

¹ Профессор кафедры конституционного (государственного) и международного права федерального государственного казенного военного образовательного учреждения «Военный университет» Министерства обороны РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: aleksandrcher@mail.ru). Alexander Chernyavsky, professor of department of the Constitutional (state) and International Law of federal state military educational institution «Military University» the Ministry of defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (E-mail: aleksandrcher@mail.ru).

² См.: Чернявский А. Г. Роль и значение идеологии для государства и права. М., 2016. Сер. «Научная мысль».

³ Соловьев В. С. Право и нравственность. Т. 8. СПб., 1914.

культуры являет собой не частичное осуществление того идеального фонда правовых идеалов, каковым, с точки зрения (к сожалению, для научной разработки права) громаднейшего большинства, представляется эта система — как какая-то величина, заранее предопределенная и вместе с тем по мере прогресса человечества бесконечно увеличивающаяся, к которой человек должен стремиться в силу отвлеченных велений, но прежде всего накопление ряда, хотя и безмерно увеличивающихся в общем числе, но все же отдельных по их происхождению, взаимных ограничений, взаимных интересов, к которым каждая из сторон вынуждается правильным сознанием своих собственных интересов.

Между человеческими существами, поставленными всей социальной обстановкой в условия полного отсутствия между ними равенства, не может быть и права. Таким было, например, в эпоху рабства состояние взаимоотношений между господином и рабом. В эпоху крепостничества, конечно, не было никакого права между помещиком и его крепостным. Отмена крепостничества (вероятно более чем какой-либо иной правовой акт) может служить нагляднейшим примером сознания того, что право рождается именно на почве увеличивающегося равенства и что не только право ведет к равенству, но и равенство ведет к установлению права. Известны слова Царя-освободителя, имевшие целью сломить сопротивление крепостников, о том, что лучше отменить рабство сверху, чем ожидать его самоотмены снизу. Этими словами красноречивее всего вскрывается сущность того явления, что движение правовой эволюции совершается в подобных случаях в тот момент, когда оно отвечает интересам обеих сторон. Право во имя защиты того или иного блага одной из сторон действует на стороне, противоположной на началах взаимности, чтобы предотвратить возможные нежелательные последствия. И мудрость правотворящего законодателя заключается в том, чтобы в нужный момент учесть этот элемент взаимства интереса и благодаря этому сохранить равновесие, создать гармонию права.

Понятие равенства с точки зрения эволюции права опять-таки не следует представлять в абсолютном смысле, как оно писалось на знаменах 1789 г. Напротив, для всякого, кто хочет оставаться в пределах реалистического исследования, ясно, что речь идет именно о движении не от бесконечно великого к меньшему, а от бесконечно малого к большему, что право в его, так сказать, будничной, текущей эволюции образуется вовсе не в силу стремлений к абсолютному равенству, а в силу сознания равенства и взаимности, уже имеющихся налицо относительно отдельного данного интереса, накопление которых в качестве отдельных слагаемых постепенно и создает общую сумму, — систему права, представляющую собой не что иное, как совокупность тех и только именно тех интересов, которые уже возведены общественным сознанием в степень общих взаимоотношений и поэтому правовых. И чем глубже это сознание взаимоценности данного интереса, тем более твердым и обеспеченным представляется действие кающейся его нормы.

Этот момент взаимности особенно ясен в вопросе, например, об охране собственности, потому что собственником в той или иной мере является каждый. В основе правового значения того или иного вопроса лежит все тот же качественный момент всеобщей обоюдной заинтересованности, который должен удерживать от неправильного применения основных законов данного общества от нарушения прав собственности, поскольку в основе правовой охраны и того другого

интереса лежит формула “*hodie mihi cras, tibi*” — “сегодня мне, завтра тебе”.

Право в его генетическом происхождении — не воспроизведение отвлеченных идеалов, не сведение с неба на землю предопределенных начал, не “свидетельствование” об этих вечных началах абсолютного. Право — в полном смысле слова творение рук человеческих, результат прежде всего практических требований взаимного страхования от неумеренного проявления силы. Это не значит, конечно, чтобы и в этой отрасли права не было идеалов и чтобы идея “политики права” (или, сегодня, правовой политики, или, еще конкретнее, идеологической функции права, стремления в этой области к определенным желанным началам) могла быть лишеной своего смысла и значения.

Напротив того, и эта идея, и правильная разработка ее имеют, несомненно, свое громадное положительное значение в качестве мощной культурной силы, содействующей в ряду других и даже в одном из первых их рядов правильному осознанию необходимости правовой защиты того или иного интереса. Но непосредственно движущей творческой силой права является и остается все же именно рождение этого сознания. Работа же “политики права” есть работа, по существу своему, хотя по поводу права и в связи с правом, но в принципе — общекультурная, ход которой очень часто совпадает с развитием правовой охраны тех или иных интересов, потому что культура движется прогрессом, но в принципе также нередко и расходится с этим развитием, смотря по тому, как складываются общие социальные условия самой жизни, зависящие от тысяч различных причин, которыми движется.

Если позволить себе говорить метафорически, то можно сказать, что “карта” этой эволюции не есть план города, строящегося по американскому способу, в котором заранее проложены улицы. Нет, это скорее своего рода “немая” географическая карта, на которой сама природа нанесла лишь ряд естественных данных — тех свойств человеческой природы, от которых (подобно тому, как от расположения гор и рек зависит расселение человека при переходе его от кочевого состояния к оседлому) зависят также и правовое строительство, эволюция права, заложение самых его основ. “Карта” эта, подобно, например, карте Европы, с каждым веком наполняется новыми узлами человеческого общения по мере развития в них тех или иных интересов. Причем лишь очень редко бывает так, чтобы возникновение того или иного узла вызывалось к жизни по закону «политики права», а не тем долгим, упорным процессом, который вполне справедливо окрестил Р. Иерингом “борьбой за право”⁴.

В развитии этого процесса нет и не может быть сколько-нибудь достаточно определенной системы помимо той, какая может быть в самих условиях исторической жизни человечества, и карта эволюции права при всех возможных несовершенствах ее в каждый данный момент представляется, однако, законченной в том же смысле, как законченной была для своего момента карта Европы, например, в Средние века, несмотря на то что она имела общие с современной ее картой разве только ее естественные неизменные условия и всего лишь небольшое количество населенных пунктов, столь ничтожное по сравнению с современным их количеством. Так что, к слову сказать, и область права, например международного, в которой в настоящее время может быть всего лишь

⁴ См.: *Иеринг Р. Борьба за право*. СПб., 1912.

ничтожное количество твердо установленных правовых начал есть все-таки область права точно так же, как карта Европы XIII в. — все же карта Европы, хотя и столь далекая от ее теперешнего состояния, явившегося результатом дальнейшего развития, никем не предусмотренного и никакой общей идеей, кроме, конечно, всеобщей идеи человеческой культуры и прогресса, не направлявшегося⁵.

Могущественнейшим двигателем этого прогресса является прежде всего интерес человека, и там, где этот интерес требует согласования человеческих интересов, возникает право. Сущность права сводится к тому, что люди, живя в том обществе, которое является потребностью человека по его природе, неизбежно должны делать друг другу взаимные уступки, неизбежно должны приходить к необходимости целого ряда ограничений их «естественной» свободы, которые и представляют собой право: “*Ubi societas, ibi ius*” (“где общество, тут и право”). Права не было бы и не могло бы быть, если бы существовал только один человек. Идея права могла родиться на свете лишь тогда, когда явились два человека, одинаково свободные и независимые. Права не могло быть при первом, единственном человеке, но уже при первых его двух сыновьях родились право и его нарушение.

Рождаясь на почве взаимоограничения людьми их “естественной” свободы, право впоследствии лишь внешне утрачивает непосредственную связь с этой почвой по мере того, как все строение права как бы подводится под своды устанавливающей свое господство над отдельными людьми государственной власти, поднимающейся над этими межлюдскими отношениями и своим авторитетом подтверждающей над ними право, первоначально возникающее помимо этой власти. Она является, таким образом, по существу, не столько создателем права (хотя в последующем его развитии она и создает формально новые правовые нормы) сколько их выразителем и хранителем, стоящим на страже соблюдения права всеми членами государственного союза, и прежде всего его наименее общественными элементами.

Организационное принуждение является в этом случае наиболее экономным средством борьбы с возможными правонарушениями, поскольку деятельность власти отвечает общему правосознанию. Вместо того чтобы всем или многим членам общества соединяться каждый раз для физического реагирования на совершившееся правонарушение в тех случаях, когда такая реакция бывает необходима, работа эта выполняется органами государственной власти, облеченными общественным доверием и по самому существу своей деятельности, поставленными в условия беспристрастия и отсутствия личной заинтересованности в деле. Конечно, бывают исключения, когда государственная власть идет не в ногу с общественным правосознанием. Тогда нередки случаи, в которых члены общества даже игнорируют, когда это возможно, ее деятельность, предпочитая жертвовать каким-нибудь своим интересом, чтобы избежать, к примеру, судебной волокиты, связанной с недостаточной уверенностью в беспристрастии суда, или оставляя, например, без общественной реакции отношение к лицам, подвергшимся неправомерному, по убеждению большей части общества, судебному приговору.

Но такие случаи являются, конечно, отклонениями от нормального порядка вещей, при котором государственная

власть представляет собой как бы центр отражения общественного правосознания, являясь воплощением его общих интересов. При обычных условиях принуждение представляется не чем иным, как осуществляемой от лица общества и в согласии с его правосознанием мерой восстановления права, терпящего нарушение со стороны его наименее общественных элементов. Можно даже с этой точки зрения называть право, следуя образному выражению Иеринга, “розгами” и даже признавать, что в процессе укрепления правовых начал в отношении наименее общественных элементов, не связанных с другими членами общества взаимными интересами, принудительный характер этих норм имеет свое несомненно первостепеннейшее значение, но во всяком случае было бы неосновательно только в существовании этих “розг” видеть сущность права, если только не считать, что право существует только для одних негодяев.

Для тех противообщественных элементов, которые поставляют из своей среды главный контингент правонарушителей, угроза физическим принуждением потому и необходима, что для них не имеет значения страх возможности нарушения отсутствующих у них интересов со стороны других членов общества. Но для громадного большинства сдерживающим началом служит помимо нравственных мотивов естественный даже для грубого эгоиста расчет — не нарушать чужих интересов для того, чтобы не вызывать этим нарушения своих интересов⁶. Право есть не что иное, как нагляднейшее проявление того чувства взаимства, которому можно дать парадоксальное только на первый взгляд определение “эгоистического альтруизма” — внимания к интересу другого человека в заботе о своем собственном интересе на случай возможного его нарушения⁷.

В сущности это признает также и такой апологет принудительной теории права, как Г. В. Шершеневич, когда он говорит: “Мотивом, побуждающим гражданина сообразовать свое поведение с нормами права, помимо унаследованной и усвоенной воспитанием привычки, и даже при отсутствии таковой, является сознание собственного интереса. Этот интерес — двоякого рода. Члену общества, во-первых, представляется выгодным соблюдать норму в данном отдельном случае: например продавец, выполняя в точности свои обязанности, согласно нормам права приобретает возможность на этом основании требовать от покупателя исполнения им своей обязанности. Во-вторых, члену общества выгодно приобрести уверенность, что все его сограждане будут сообразовывать свое поведение с установленными нормами права. Поэтому он должен в собственном интересе преграждать другим возможность нарушать чужие права и сам не выходить из пределов этого права... Однако все указанные мотивы могут оказаться недостаточными..., тогда выступает на сцену страх перед угрозой, соединенной с нормой права”⁸.

После всего сказанного относительно принуждения лишь как наиболее совершенного способа восстановления нарушенного права, а не как имманентного самому понятию права ингредिएнта (хотя бы уже только с развитой выше формально-логической точки зрения) можно с достаточным основанием отметить, что при современном состоянии науки права эволюция этого основного ее вопроса о соотношении между принуждением, силой, с одной стороны,

⁵ См.: Чернявский А. Г., Погребная Ю. К. Идеологическая функция права. М., 2015.

⁶ См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1909.

⁷ См.: Чернявский А. Г. Указ. соч.

⁸ Шершеневич Г. В. Общая теория права. М., 1910. С. 294.

и правом — с другой, может быть без какой-либо натяжки сравнена с развитием в науке космографии вопроса о соотношении движения Земли и Солнца. Было время, когда не возникало даже сомнения в том, что Земля является центром мироздания, что именно она представляет собой неподвижную, командную точку, вокруг которой совершает свой путь Солнце. И точно так же было время, когда не возникало сомнений в том, что физическая сила принуждения является источником жизни права, той точкой, на которой зиждется все его существование. Но великие умы, начиная от Гроция, сделали в этой области то, что совершил Галилей и его последователи, точно так же как несмотря на то, что вращение Земли никем не ощущается бесспорной, однако, истиной является то, что не Солнце вращается вокруг Земли, но Земля — вокруг небесного светила и что в основании равновесия всей системы планет лежит гармония их взаимного притяжения. Точно так все более бесспорной становится в науке права та истина, что не право вращается вокруг идеи принуждения, но есть какая-то другая внутренняя движущая сила, которая дает ему, праву, жизнь и существование независимо от идеи принуждения.

Эта сила есть также гармония на почве взаимности, основанной на практическом альтруизме, в основании которого лежит правильно осознанный (по существу своему эгоистический) интерес гармонии человеческого общежития, ограничения свободы каждого на пользу свободы всех, и прежде всего интересов собственной свободы и своей личности, своей безопасности, когда они могут оказаться затронутыми своими действиями⁹. Не углубляясь в далекие исторические дебри философии права и ограничиваясь только последним столетием ее развития, начиная от Канта, резюмировавшего всю эту философию своим категорическим императивом — формальным правилом “действуй так, чтобы твоя свобода сочеталась со свободой каждого”¹⁰, достаточно рассмотреть здесь главнейшие последовавшие за Кантом попытки вложить в это формальное правило материальное содержание, чтобы убедиться, в какой мере оно все более и более приближается к признанию именно момента взаимности движущим началом идеи права как гармонии человеческих интересов.

⁹ См.: Меркель А. Юридическая энциклопедия. СПб., 1902.

¹⁰ Кант И. Критика чистого разума. М., 2015.